

Полина Любомудрова

Не от мира сего

Электронный вариант историко-биографического очерка с элементами семейного детектива - о прадеде Павле Васильевиче Любомудрове, с иллюстрациями и архивными сведениями.

...Я нашла эти бумаги - свежие, чистые, нетронутые тленом, - позавчера, разбирая семейные архивы. И по моим комнатам они пошли, эти тени, - волнуясь, беспокоясь, надеясь и плача, и загадывая на будущее, и страшась, и не зная, что ждет впереди. Как и мы, как и мы. Мир всем живущим.

Татьяна Толстая

17 августа 1866 года в семье помощника настоятеля Михаило-Архангельской церкви села Меркушино Верхотурского уезда, священника о. Василия Стефановича Любомудрова, родился сын, который в крещении был назван Павлом.

Село Меркушинское, расположенное на левом берегу реки Туры, название свое получило, вероятно, от речки Меркушинки, которая впадает в реку Туру вблизи самого села. Красоту местности составляет прекрасный хвойный лес, в котором растут величественные, могучие кедры и красивые, стройные лиственницы.

В 17-18 веках Меркушино имело транспортное значение: здесь была пристань на реке Туре, строились речные суда – ладьи, струги под государственный хлеб, в 19 веке это уже центр духовно-религиозной культуры, место паломничества к храму Симеона Праведного.

Симеон Верхотурский почитается как небесный покровитель уральской земли. Согласно житию¹, Симеон родился в знатной боярской семье в Европейской России. После смерти родителей в Смутное время пришёл на Урал и сначала поселился в Верхотурье. В 1620 году перебрался в село Меркушино (около 53 км от Верхотурья). Именно в Меркушине и его окрестностях он провёл большую часть жизни, скрывая свое происхождение. В селе посещал местную деревянную церковь святого Архангела Михаила. В десяти верстах от Меркушина, на берегу реки Туры, Симеон летом уединялся для молитвы, добывая себе пропитание рыбной ловлей. Подвижник никогда не оставался праздным. Он хорошо умел шить шубы и, обходя села Верхотурского уезда, работал в домах у крестьян, не принимая за труды никакого вознаграждения. Чтобы избежать похвал за свою работу, праведный Симеон оставлял ее незавершенной и уходил от заказчиков. За это ему приходилось переносить оскорбления и даже побои, но он принимал их со смирением и молился о своих обидчиках. Так он достиг совершенного смирения и нестяжательства.

Ко всем относился он приветливо, старался всем служить, всем помогать. Св. Симеон был крайне воздержан, любил уединение, отличался чистотой не только телесной, но и душевной, ко всем питал любовь нелицемерную.

Скончался св. Симеон в Меркушине в 1642 году и был похоронен на кладбище при церкви.

¹ Сведения о жизни Симеона очень краткие и известны только из его жития, составленного в конце XVII века на основе рассказов его современников — «Повесть известная и свидетельствованная о проявлении честных мощей и отчасти сказание о чудесах святого и праведного Симеона нового сибирского чудотворца». Составил эту повесть митрополит Тобольский и Сибирский Игнатий после того, как освидетельствовал в 1695 году обретенные мощи праведника.

В конце девятнадцатого и начале двадцатого века в Меркушине были построены капитальные каменные здания: церкви Михайло-Архангельская и Симеоновская, гостиница для паломников двухэтажная, церковно-приходская школа, волостная управа тоже в два этажа и два дома для священнослужителей. Две церкви были соединены галереей, что запечатлено на фотографии, от которой глаз не отведёшь.

Замечательных по древности священных предметов в храме нет, но заслуживают внимания следующие иконы: икона Вознесения Господня, сооруженная в память спасения Императора Александра II от руки злодея – Березовского; икона апостола Архипа и благоверного великого князя Александра Невского – в память 25-летнего царствования Императора Александра II – освободителя крестьян от крепостной зависимости и икона святого Николая и мученицы Александры – в память священного коронования Государя Императора Николая II.

Почитали и место погребения Симеона в селе Меркушино, из которого забил родник. Над ним в 1808 году вместо деревянной часовни возвели новую каменную. В 1704 году мощи Симеона из Меркушино с разрешения митрополита Филофея (Лещинского) были перенесены в Николаевский монастырь города Верхотурье, где их поместили в монастырской церкви у правого клироса. Мощи святого привлекали в Верхотурский монастырь многочисленных паломников, число которых в начале XX века достигало 60 тысяч человек в год.

Древняя уральская обитель находилась под высочайшим покровительством последнего императора Николая II, в Верхотурье часто приезжали особы царского двора - фрейлина

А.А.Вырубова и полковник Д.Н.Ломан, это первое место паломничества Григория Распутина, где он проник в суть бытия, что и помогло ему позднее стать провидцем и снискать доверие царской семьи.

Верхотурье. Вид на Покровский монастырь.

В таком окружении, в живописной уральской местности, при Михаило-Архангельском храме, под небесным покровительством праведного Симеона Верхотурского, рос в детстве и воспитывался Павел Любомудров.

Отец Василий Стефанович Любомудров служил помощником при нескольких настоятелях меркушинского храма, священником Свято-Симеоновской церкви с. Меркушино он был назначен 8 ноября 1871 года, одновременно со служением в храме нес обязанности законоучителя в Меркушинской народной школе. Жена его, матушка Анфиса Павловна родилась 16 августа 1846 года. Она была дочерью священника Павла Михайловича Будрина - самой замечательной личности в истории Трехсвятительской церкви Нижне-Туринаского завода. Служил он священником этой церкви почти 50 лет, с 1844 по 1892, пока не потерял зрение. После окончания Пермского духовного училища и Пермской духовной семинарии определен учителем в Далматовское духовное училище в 1842 г. В 1844 - священником в Нижнюю Туру. Бессменный законоучитель горнозаводской с 1844 г, затем министерской школы до 1886 (когда, по старости Будрина, ей стал заведовать о.

Александр Адрианов). Выведен за штат и скончался 13 марта 1893 г. Похоронен вблизи алтаря церкви, в церковной ограде. Павел Михайлович сам замечательно писал иконы. Имел все возможные награды: 1851 -набедренный; 1863 - благословение Св.Синода; 1866 - Архипастырское благословение за сочинения катехизических поучений, награжден скуфьей; 1870 - бархатная фиолет. камилавка; 1873 - вторично Архипастырское благословение; 1879 - знак Красного креста; 1883 - золотой наперсный Крест от Св. Синода; 1887 - Всемиловейше награжден орденом св. Анны 3 ст. Награжден бронзовым памятным крестом на Владимирской ленте в память Севастопольской войны 1854-56 гг. Старший брат Анфисы Павловны, Владимир Павлович Будрин служил диаконом в Кушвинском заводе до 1893 г.

Об имущественном положении отца Василия клировые ведомости извещали так: «Имеет благоприобретенный на каменном фундаменте новый дом с хорошими службами, все деревянные строения крытые тесом, устроены на крестьянской земле».

Павел был старшим сыном в многодетной семье о. Василия. Кроме него были еще пятеро детей: братья Иван (1875 г.р.) и Николай (1878 г.р.) и сестры Александра (1864 г.р.), Раиса (1869 г.р.) и Анна (1874 г.р.).

*Павел Любомудров,
26 октября 1878 год, г. Екатеринбург.*

По семейному преданию, Павел был отдан на воспитание дальней родственнице, фрейлине Ольге, в Санкт-Петербург. Так ли оно было на самом деле и почему так, сейчас нельзя сказать со всей определенностью.

Однако положительно известно, что второй сын о. Василия Любомудрова, Иван, после окончания Екатеринбургского духовного училища, обучался в Санкт-Петербургской духовной Академии и в последствии, вплоть до 1917-го года, служил управляющим в Министерстве народного просвещения г. Санкт-Петербурга. Состоял членом Санкт-Петербургского Археологического института, сотрудником общества ревнителей русского исторического просвещения и Императорского общества любителей древней письменности, был собирателем древних монет. После 1917 года Иван Любомудров

лишился всех регалий и дохода, а поскольку происходил из духовного сословия, какое-то время держался близ привычных мест и стоял у церкви на паперти. Последние пять лет жизни, уже будучи парализованным, провел в Нижней Туре под присмотром сестры Анны.

Младший сын, Николай, окончивший Пермскую духовную Академию, по некоторым источникам одно время «служил в поезде императрицы», и отнюдь не случайно выбрал для своего сына имя Серафим - известно, что преподобный Серафим Саровский всегда особенно почитался царственной четой. В годы гражданской войны иерей Николай Любомудров был полковым священником при отступающей армии адмирала Колчака; и был расстрелян в ноябре 1930 года в Забайкалье по обвинению в «монархическом заговоре». Из епархиальных документов и материалов обвинения видно, что священнослужитель Николай Любомудров был любим мирянами, по своему «популярен», притом имея, по выражению его сына Серафима, также обвиняемого в 1930-1931 гг. в «контрреволюционной деятельности», «исключительно широкие знакомства», позволявшие ему решать многие, самые различные, проблемы.

Довольно необычные характеристики и судьбы у всех сыновей простого сельского батюшки.

Сам Павел Любомудров единственный, кто из братьев не получил духовного образования, он обучался в Императорской Санкт-Петербургской Военно-Медицинской Академии на средства петербургской родственницы и получал стипендию от военного ведомства, после чего был назначен военным врачом в Новочеркасск, губернский город в области войска Донского.

Императорская Санкт-Петербургская Военно-Медицинская Академия

Спустя год, по возвращению в столицу, Павел Васильевич женился, жена его – Евгения Марковна – была немкой по происхождению. С женитьбы и появления в их семье первенца Константина начинается семейная тайна, которая волнует по сей день и оставляет много вопросов для следующих поколений.

Павел Васильевич Любомудров, ок 1888 года.

О Евгении Марковне, жене Павла Любомудрова, практически нет никаких сведений, ни о её родителях, ни о семье. Неизвестна даже её девичья фамилия, остается загадкой их история знакомства с Павлом Васильевичем. Вероятнее всего, она также была приближенной к царскому двору. Не сохранилось и ни одной свадебной фотографии четы Любомудровых, и то единственное фото, где они вместе, выглядит уж очень «походному»: при этом создается ощущение, что девушка словно скрывает своё пикантное положение.

*Молодожены.
Павел и Евгения Любомудровы.*

Здесь следует сделать короткое отступление и отметить, что в России для женщин-аристократок работа на должности в императорской резиденции всегда считалась завидной карьерой. Придворной дамой в Российской империи могла стать и девушка из

бедной семьи, сирота. Это становилось возможным, если она была лучшей выпускницей института благородных девиц, и чаще всего Смольного.

Одним из главных требований было идеальное знание этикета, а также способности к пению, рисованию и рукоделию. Как правило, девушек-фрейлин выбирали как императрица, так и сам император (это было не его делом, но случаев, когда Его Высочество протезировало даму, немало). Понятное дело, что выбор последнего делался для того, чтобы обеспечить себя приглянувшийся «забавой», жены их прекрасно знали об этом, но молча принимали данный факт.

Репутация фрейлин носила весьма своеобразный характер. Большинство из них не считали себя оскорбленными, если с кем-нибудь из них завязывал флирт император или кто-то из великих князей. Конечно, это немедленно становилось предметом самых горячих сплетен, но все смотрели на эти «приключения», достаточно традиционные в придворной среде, легко. Таких фрейлин называли дамами для особых услуг. Среди фрейлинского штата было немало девушек, которые были мимолетными или многолетними увлечениями императоров и великих князей.

Покидали фрейлины придворную службу автоматически после выхода замуж. При этом награждалась невеста хорошим приданым — наличными деньгами, драгоценными вещами, платьем, кроватными и постельными уборами, галантерейными предметами.

Повторим, что эта служба считалась престижной, поскольку позволяла быть в непосредственной близости к императорской семье, обрести связи в высших придворных и государственных кругах, поймать «случай» с императором и обеспечить свое будущее выгодным браком.¹

Нам были неизвестны прежде всего дата и место рождения первого сына Павла Васильевича, Константина. Год рождения можно вычислить приблизительно, по одной из фотографий, где он запечатлен мальчиком вместе с младшим братом Андреем, про которого точно известно, что он родился 9 марта 1895 года в Москве.

Костя и Андрей Любомудровы

¹ По материалам книги И. Зимина «Детский мир императорских резиденций. Быт монархов и их окружение» М.: Центрполиграф, 2011 г

Возрастная разница у детей лет в пять, основываясь на этом, можно сказать, что Константин родился около 1890 года.

В эти годы Павел Любомудров проживает в Санкт-Петербурге, пишет сочинение «Несколько слов о холерной эпидемии 1892 года в селе Большом Мелике, Балашовского уезда»¹ (1892 год, издается в г. Санкт-Петербурге) и защищает диссертацию на степень доктора медицины по теме «Изменение крови и некоторых органов при голодании»² в Военно-Медицинской академии (1892-1893 г., г. Санкт-Петербург). Естественно предположить, что и Константин, мальчик с редким, княжеским именем, появился на свет в северной столице.

Сразу после защиты докторской диссертации, в 1894 г., Павел Васильевич с женой уезжает в Москву. Здесь молодой доктор медицины, специалист по внутренним болезням и уже надворный советник Павел Любомудров работает практикующим врачом в Московском Военном госпитале. Делает сразу два доклада в Обществе военных врачей: «Случай лимфоциты»³ (издается в 1894 году) и «К этиологии дизентерии»⁴ (издается в типографии А.И. Мамонтова в 1898 году).

В Москве, в 1895 году в семье рождается второй сын, Андрей.

*Евгения Марковна Любомудрова
с сыном Андреем.*

¹ Электронный каталог Российской Государственной библиотеки. Любомудров, Павел Васильевич. Несколько слов о холерной эпидемии 1892 года в селе Большом Мелике, Балашовского уезда / [Соч.] Врача Любомудрова. - Санкт-Петербург : Губ. тип., ценз. 1892. Хранение: А 250/402;

² Электронный каталог Российской Государственной библиотеки. Любомудров, Павел Васильевич. Измѣненія крови и нѣкоторых органов при голоданіи: диссертация на степень доктора медицины. Санкт-Петербург тип. А. Мучника 1893г. Хранение: А 205/239;

³ Электронный каталог Российской Государственной библиотеки. Любомудров, Павел Васильевич. Случай лимфоциты : Чит. в О-ве воен. врачей в Москве, 11 апр. 1894 г. / [Соч.] Д-ра Любомудрова. - Москва : т-во тип. А.И. Мамонтова, ценз. 1894. Хранение: Приплет к L 25/119;

⁴ Электронный каталог Российской Государственной библиотеки. Любомудров, Павел Васильевич. К этиологии дизентерии : Докл. в О-ве воен. врачей г. Москвы в заседании 4 мая 1894 г. / [Соч.] Д-ра П.В. Любомудрова; (Из Бактериол. лаб. Моск. воен. госпиталя). - Москва : тип. т-ва А.И. Мамонтова, ценз. 1898. Хранение: U 250/674;

*Из архивных источников известно, что в эти годы Павел Васильевич Любомудров, надворный советник, работает практикующим врачом в Бесплатной лечебнице военных врачей, в Военном госпитале по улице Госпитальной в Москве.¹

Московский военный госпиталь.

К тому времени о. Василий Стефанович Любомудров скончался скоропостижно, от горя, после потери всего состояния: когда в 1894 году он с женой Анфисой Павловной решили переехать жить ближе к взрослым детям в Верхотурье, в поезде у них украли кошелек с деньгами, полученными от продажи дома, того самого, меркушинского, «на каменном фундаменте, с хорошими службами». В клировых ведомостях 1899 года матушка Анфиса Любомудрова названа уже вдовой.

Сыновья уже служили, старшая дочь о. Василия Любомудрова, Александра, состояла в браке с окончившим семинарию учителем Нижнетуриной земской школы Александром Иоанновичем Адриановым, ставшим вскоре священником Нижнетуриной церкви. Другая дочь, Раиса, вышла замуж за псаломщика Нижнетуриной Трех-Святительской церкви Александра Иоанновича Левицкого, который позже стал дьяконом Екатеринбургского Кафедрального собора.

После смерти о. Василия младшую дочь, мою прабабушку, Анну, отдали замуж за сына верхотурского купца 2-й гильдии Василия Федоровича Селезнева: приданого у неё не было, выбор женихов был невелик, а в купеческой семье не хватало рабочих рук. Видела

¹ Алфавитный указатель адресов жителей г. Москвы и ее пригородов. 1901 г. Стр. 261.

она жениха до венца всего два раза. Молодой муж крепко пил, семья жила в нужде, почти впроголодь.

*Василий Селезнев и Анна Любомудрова (Селезнева)
с детьми Зинаидой и Павлом.*

Тем не менее, за двадцать лет замужества у Анны Любомудровой (Селезневой) родилось 16 детей, из которых выжили только шесть. Обычная история столетней давности - вне зависимости от социального статуса, дети нередко умирали во младенчестве, как правило, от различных детских инфекционных заболеваний, от которых тогда не было ни вакцин, ни прививок. Либо от осложнений от них, антибиотиков тоже еще не было.

Выжили сыновья Николай, Пантелеймон и Павел, дочери Зинаида, Анна и Софья. Павел Васильевич Любомудров стал крёстным отцом для сыновей Аннушки; все годы, как мог, поддерживал и утешал младшую сестру, которую жалел и очень был к ней привязан душевно.

В 1910-1911 гг. на Маньчжурию и Харбин обрушилась сильнейшая эпидемия «черной смерти» - легочной чумы.

В 1910 г. в небе появилась комета Галлея, которая хорошо видна была в Харбине. Вид ее был страшен: комета блистала высоко в темном небе – небольшая, отличавшаяся от звезд только хвостом; однако позднее, ближе к своему исчезновению, ранними вечерами, на еще не совсем потемневшем небосклоне, она висела уже низко над горизонтом – огромная, зловеще красная. О комете много говорили. Как всегда бывает, кто-то утверждал, что она предвещает несчастье.

Комета Галлея исчезла, а конец года действительно ознаменовался чумной эпидемией, ставшей самым серьезным испытанием для всей русской медицинской службы в Маньчжурии.

Эпидемия приняла угрожающие размеры очень быстро. Ее отличала высокая смертность: погибал почти каждый, кто заболел. Спасти чумного в те времена было почти невозможно.

Ликвидация такой губительной эпидемии, как легочная чума, требовала жестких мер. Это были чрезвычайные меры, совершенно необходимые. Вот несколько цифр, которые характеризуют сложившуюся ситуацию. Эпидемия продолжалась 200 дней; за это время в чумных больницах погибли 1506 человек; на улицах подобрано 987 трупов; число выездов летучего отряда (созданном специально и работавшим в белых балахонах и масках с прорезями для глаз, с длинными баграми) доходило до 31 в день.

В связи с масштабами бедствия очень скоро собственных медицинских сил стало не хватать; 2 ноября Городской совет поставил вопрос о ходатайстве перед русским правительством насчет присылки врачей из России. В ответ на призыв приехало 32 врача, которых возглавил крупный русский эпидемиолог проф. Даниил Кириллович Заболотный. Общие расходы русской стороны в связи с чумой выразились суммой более 1313 тыс. рублей. «Только настойчивое побуждение со стороны русских врачей и санитаров, а также их практическая деятельность, с которой мы потом взяли пример, позволила нам общими усилиями одержать верх над чумой», - заявил после ликвидации эпидемии китайский врач У Ляндю.

Нельзя не упомянуть, что в борьбе с эпидемией 32 человека их русского медицинского персонала, среди которых и часть специально приехавших из России, погибли.¹

Павел Васильевич Любомудров был командирован на ликвидацию эпидемии легочной чумы сначала в г. Иркутск, потом в Маньчжурию в октябре 1910-го года, в качестве военного врача и специалиста по внутренним болезням. Во время отсутствия Павла Васильевича его жена, Евгения Марковна, с детьми проживали в г. Санкт-Петербурге. Вероятно, старший сын, Константин, в эти годы уже учился в Петербургской военно-медицинской академии.

В семье сохранились три письма, написанные Павлом Васильевичем Любомудровым в пути на простых почтовых открытках, неразборчивым почерком врача, письма из прошлого в будущее. Каждое письмо - драгоценный документ времени, так как в них присутствует множество людей, случайных дорожных встреч, современников тех событий, и - отдельно - лицо автора писем, который служит для нас образцом бескорыстия и добропорядочности.

¹ Из книги Г.В.Мелихова «Маньчжурия далекая и близкая», главная редакция восточной литературы издательства "Наука", 1991 г.

Письмо первое.

24 октября 1910 г. 6 часов вечера (по местному времени).

Дорогая моя Женичка! Дорогие детки! Вот Вам и открытки. Пока немного, больше не было. Через неделю, говорят, привезут вновь.

Что Вам рассказать о себе? Расскажу прежде всего Пермскую гостёбу. Приехал я в Екатеринбург 12-го, оттуда писал уже Вам. 13-го, в ночь, я выехал в Кушву, где и пересел рано утром на Верхотурский поезд. Утром, около 10-ти часов, сплю себе наверху; вдруг слышу знакомый голос: «Господин офицер!», а потом: «Дядя!» Привстаю, вижу – Сережа¹. Он недавно приехал из Петербурга и в этом же поезде ехал в Верхотурье, вместе с Сашей². Ну, сейчас пришлось мне одеться, умыться и здороваться, а потом угощались разными пряностями. Оказывается, Саша хотела вместе со всеми еще накануне выехать, да опоздала на поезд. Вскоре приехали в Верхотурье. Там уже была устроена торжественная встреча: мам, Анюта³ и Михаил Филлипыч⁴. От него было двое саней, на которых все и двинулись. Оказывается вокзал в Верхотурье верстах в 6-7 от города.

Все приехали во флигель к Мих.Фил. (на верх, где и мы были). Там уже столы ломились от яств и пятий. Сначала пили чай. Тут же пришла матушка о.Петра, а потом и он сам. Тотчас последовал роскошный (по-тамошнему, конечно) обед.

Удивило меня только, что Мих.Фил. всё время был тут, а Елисавета Федоровна⁵ только пришла поздороваться, а потом все время была в лавке (торговала). Поп с попадъей вместе обедали и выпивали. Меню обеда: бульон с паштетом, жареная телятина с маринадами, птицы (утки и рябчики) и два сладких (какие-то кремы с сушками и миндальными печеньями).

Пока обедали, зазвонили к вечерне в монастыре. Кто пошел, а мы с мамой поехали на лошади в монастырь. Там пришлось очень долго ждать, пока нам отслужили молебен с акафистом, и панихиду. После этого на той же лошади поехали с мамой к о.Петру. Пили там чай, а мне пришлось оставить грудку рецептов. Тут подошли и сёстры. Отсюда на лошади же отправились к Мих.Фил. Там уже весь дом был ярко освещен и сервирован чай со всяческими припасами. Больше часу пошло на советы хозяйну и около 5 минут – хозяйке Елисавете Федоровне; видимо, поправится, даже как будто пополнила немного. Сердце много лучше. Очень благодарила и не раз подчеркивала, что будет тебе писать. Так как было уже около 10 часов, пошли во флигель, и там часа два болтали еще. Острили все большие на счет Василия Федоровича⁶. Он, по-моему, сейчас здоров, только, говорят, пьет сильно. А так очень услужлив, все время мне развязывал, да завязывал подушку, подавал пальто и вообще, вел себя, как хороший «ходя».

Дамская половина удалась в дальние комнаты, а мы трое (я, Вас. Фед. и Сережа) улеглись в передней, большой. Спал плохо, а с утра началась уже форменная атака по части медицинских советов для разных близких и дальних (мне даже неизвестных) родственников. Тут же опять пожаловал о.Петр. Принес большую банку варенья мне и какую-то книжку для передачи в Иркутске его племяннику, учителю семинарии. Последний совет, много уже раз повторявшийся, подавал Михаилу Филлипычу, и он мне вручил 25 рублей. Просил только никому не говорить...

На Вые (близ Туры) встретить выехал отец Александр Адрианов⁷. Остальные все попрощались, а он с мамой поехали до встречного поезда (в Верхотурье). Дорогой он просил, чтобы я постарался устроить Сережу в Иркутскую семинарию. Доехали до станции, где был встречный поезд. А он, оказывается, уже двинулся. Так они и остались без поезда. Придется ехать на лошадях. Дали мне кое-каких припасов, между прочим. Саша банку с медом и маленькую - с паюсной икрой. В Екатеринбург приехал в 2 с половиной часа

¹ Сергей Александрович Адрианов, племянник Павла Любомудрова. После расстрела на станции Выя о. Александра Адрианова в ноябре 1918 года отступал с Урала с белой армией Колчака, погиб в 1919 году.

² Александра Васильевна Адрианова, в девичестве Любомудрова, старшая сестра Павла Васильевича. После расстрела мужа, о. Александра Адрианова в ноябре 1918 года на ст. Выя, помешалась рассудком и вскоре скончалась.

³ Анна Васильевна Селезнева, в девичестве Любомудрова, младшая сестра П.В. Любомудрова.

⁴ Михаил Филлипович Путимцев, верхотурский купец.

⁵ Елисавета Федоровна Селезнева, по мужу, Михаилу Филлиповичу – Путимцева.

⁶ Василий Федорович Селезнев, сын купца 2-й гильдии Федора Селезнева, военный писарь, муж Анны Любомудровой.

⁷ о. Александр Иоаннович Адрианов, настоятель Трех-Святительской церкви Нижнетуринского завода. Духовный следователь округа, постоянный член Совета попечения о народном образовании. Был взят в заложники в ноябре 1918 года на ст. Выя и расстрелян большевиками. Спустя 10 дней после гибели священника, его тело было найдено на станции, едва присыпанное снегом, и перевезено в Нижнюю Туру, захваченную белыми войсками Северной колонны Н. Казагранди, где и захоронено.

ночи. Там уже ждали Левицкие¹ (он, она и дочка). Преподнесли корзинку с продуктами (разное печенье, вафли и т.под.), ждали до поезда Челябинского (в 7 часов утра). За это время у них из саней украли шубное одеяло.

В поезде на Челябинск ехал некоторое время с А.М.Трубиновым. Дорога до Иркутска скучновата, но не очень тяжка. В купе ехали два офицера и чиновник. Смеялись над одним «батей», ехавшим в 1-м классе. А тот оказался епископом Сергием Японским². Потом он говорил с нами, много смеялся, угощал мёдом. Вообще, мало похож на Владыку.

Что сказать тебе за Иркутск? Не нравится он мне, да и все. А ведь три года – то надо все-таки отсидеть.

Пока живу в той же гостинице. Сегодня с Губаревым делали визиты. По мне впечатление отвратительное – самая глухая провинция. Живут в общем по-свински: увеличивают население, или пьют, играют в карты, сплетничают. Говорят, здесь безветрие, а эти два дня такой отчаянный ветер, что кровь стынет в жилах, покупаю даже шапку. Сахар 18 к/фунт. За 11 открыток отдал 25 копеек. Колбаса телячья (довольно вкусная), кажется 40 или 45 к/фунт. Сыр русско-швейцарский 60 копеек (не важный). Булки недорогие и больших размеров. Чай, говорят, дешевле Москвы.

Губарев уже снял квартиру за 100 рублей в месяц, но въедет лишь в половине ноября, когда придут вещи из Риги. В госпитале приходится сидеть часов до 2-х – 3-х. Врачи собираются, главный приходит в 11 часов. Все врачи публикуются в газете, даже помощник инспектора.

Тоска, дорогая моя любя Женечка, все нарастает и нарастает во мне, не знаю, как и справиться с ней. Ничто мне здесь не нравится, Губарев еще немного развлекает, вместе и обедаем, и чай пьем. Госпитальные врачи на нас, видимо, сильно косятся. Главный появляется лишь на короткое время – полный контроль на Николае Константиновиче. Крепко целую свою дорогую любю, своих дорогих деток. Пишите! Пишите!

Разберетесь ли в письме?

Горячо любящий П.Любомудров.

Письмо второе.

Иркутск. 28 октября 1910 года. 7 с половиной часов вечера.

Дорогая моя, любя Женечка! Дорогие, милые детки!

Тоска, страшная тоска грызет меня. Даже Губарев начинает беспокоиться и всячески развлекает меня своими разговорами, убеждениями, а подчас и анекдотами. Признаться, я и сам не ожидал, что мне будет так тяжко. И за границей как будто бы такой отчаянной тоски не было, даже первое время в Париже. Прямо ведь боюсь за себя, чтобы не помешаться. Все чужие, одиночество страшно удручает, ко всему полная апатия. Не знаю, как и переживу. Думаю, что, может быть, при новой командировке хоть немного легче будет. Товарищ, молодой врач Свистунов, который едет со мной, также женатый. Жена в Варшаве, и кажется, его так же тоска гонит в командировку. Дай-то Бог, чтобы она благополучно окончилась. Выезжаем мы с ним послезавтра в ночь. О выезде буду Вам телеграфировать. Денег пока дали прогонов в один конец 103 рубля, да аванс мне на непредвидимые расходы 350 р. Если пробудем там две недели, дадут чумные – подъемные (450 р.) и суточные (по 3 руб.) Жалованье нынче дали здесь всего 216 р. (квартирные только со дня приезда сюда, да за одного денщика только). Кстати, в аттестате упомянуто, что квартирными я удовлетворен по 8-е октября, а ведь я получил только за первое, Вероятно, за неделю вышлют мне сюда.

Полугодовой оклад не дают пока, говорят – кредита нет. Пожалуй, раньше декабря не дадут. Тебе, Женечка, 30-го, вероятно, вышлю 200 р. В Маньчжурию с собой не повезу, у тебя, думаю, сохраннее будут, можешь на книжку положить. Много денег дома не держи, но и не отказывай себе. Купи, что

¹ Левицкие, Александр Иоаннович, псаломщик Нижнетуриной Трех-Святительской церкви, и Раиса, в девичестве Любомудрова, сестра Павла Васильевича.

² Епископ Сергей Японский, в миру Тихомиров Георгий Алексеевич. В качестве представителя Японской миссии принимал участие в Общесибирском миссионерском съезде, который проходил в Иркутске с 6 по 18 августа 1910 года, после чего провел четыре месяца в поездках по России.

необходимо. Не скупись, береги здоровье. Если заболеешь, это меня окончательно убьет. И, пожалуйста, не принимай это за пустую фразу. На душе так тяжело, камнем сидит тоска в сердце. И не дай Бог, если что-нибудь еще с Вами сделается! Губарев страшно возмущен, что меня посылают, я же как-то ко всему отношусь безразлично.

Свистун завтра устраивает прощальную вечеринку. Зовет всех госпитальных врачей. Страшно не хочется, но придется, вероятно, быть. Писать тебе, дорогая моя любя, подробно придется, вероятно, уж из Забайкалья. Послезавтра пошлю перевод, а с дороги (2 дня пути с хвостиком) можно будет посылать лишь открытки. Письма Ваши получаю аккуратно (через 7-8-9 дней). Адрес мой настоящий: Станция Даурия Забайкальской жел.дор. Это в 4-6 верстах ближе Маньчжурии. Но если и в Маньчжурию адресуете, получу, так как буду бывать там. Если не купили расписания последнего жел.-дор. поездов, обязательно купите, там все это найдете. Мириться с Иркутском все еще не могу. Может быть, по приезде из командировки скорее помирюсь. Погода здесь стоит неважная. Сильные ветры, в трубах так и завывает. Большого морозу нет. Все-таки непременно нужно будет купить папаху. Беру с собой походную лабораторию. Не знаю, придется ли воспользоваться. Жить придется вместе с начальником гарнизона (отставной генерал). Обещал дать нам по комнате. У него дом в 5 комнат, а семьи никакой. Ну, побаивается, вероятно, если поэтому принимает врачей. В отряде еще 2 фельдшера и 7 служителей. В ближайших окрестностях можно будет ездить по железной дороге бесплатно. Чумой среди китайцев заболело уже больше 100 человек и умерло 80. Из русских умер фельдшер и санитар (не военные). Нам придется иметь с чумой дело, если она появится среди войск. Все необходимые меры против этого принимаются. Между прочим, месяц службы здесь считается за год (как в осаждаемых крепостях).

Бояться особенно нечего, но все необходимые меры предосторожности соблюдать, конечно, придется. Бог не попустит, он строит всё к лучшему. Между прочим, дорогая Женечка, хоть это верно, что «не в деньгах счастье». Не радуют они меня несколько, и не нахожу я им применения никакого. Конечно, впоследствии, по окончании всех этих испытаний, и пригодятся они, вероятно, нам с тобой. Но это все еще так далеко, так страшно далеко, что и думать не хочется. Впереди же тоска, одиночество, ряд всяких испытаний и невзгод. Тебе лучше, ты в семье, в хорошей обстановке. А вот мне, может быть, и в землянках жить придется. Нагоняю я на Вас хандру, но что же делать, когда и самому так тяжело. Пользуйтесь Вы, по крайней мере, всеми благами культурной жизни, всеми удобствами пребывания в столице. Меня же не забывайте. Чаще пишите, письма Ваши – единственная моя отрада. Они только и поддерживают страшно упавший дух мой, они хоть на время гонят безотрадную грусть-тоску.

И во сне-то вас, мои дорогие, не видал. Только детей как-то сонных видел, и то лица их не видны. А тебя, Женюра, до сей поры не вижу. Все было бы легче...

Посылаю тебе, Женечка, 200 р., разложи, по крайней мере, числа до 10-го декабря. Раньше посылать вряд ли удастся, так как раньше декабря вряд ли я снова вернусь, а возможно – и позже. Никому, кроме Вас, я еще не писал. И совершенно нет охоты писать кому-либо.

Пожалуйста, ты уж сама посылай телеграммы (Михаилу Филиппичу) и пиши. Если что-нибудь особенное, телеграфируй мне. Слово стоит 8 копеек. Адрес – Даурия Забайкальской ж.д., доктору Любомудрову.

Был с визитом у главного. Дама его принимает по вторникам с 2-х часов. К счастью, не застал дома, отдал карточку. Иркутск освещен электричеством (только центральные улицы), но фонари висят очень редко. На окраинах керосин, а некоторые улицы и вообще без ничего. Вечером можно ходить лишь по Большой ул. (здесь Невский). Всюду масса собак. Тротуары вечером небезопасны. В домах большей частью холодные сортиры. Я испытал такое в Верхотурье, при морозе в 20 градусов, прямо мука. Все покрыто льдом.

Крепко целую свою дорогую, любимую мамулю, сердце Женечку, прижимаю ее и еще целую, целую... Дорогих деток крепко целую.

Пишите!

Горячо любящий Вас, изнывающий в тоске по Вам муж и отец. Павел Любомудров.

Письмо третье.

3 ноября 1910 года. 2 с четвертью часа дня по местному, 8 с четвертью утра по московскому. Станция Даурия Забайкальской железной дороги.

Дорогая Женечка! Дорогие детки! Вот куда меня закинула судьба. Живем здесь со Свистуновым в 6 верстах от Китайской границы. Станица паршива, стоит рота солдат, 5 офицеров. Строятся казармы, где будет стоять целый полк. Кругом равнина, скучная, безотрадная степь. Есть несколько домиков для служащих и солдат, и больше ничего. В одном из домиков живем мы. В одной комнате мы со Свистуновым, в другой – 2 наших фельдшера. Здесь было 9 чумных заболеваний среди китайцев-рабочих. Все умерли. Новых заболеваний нет, и всех китайцев выселили вчера на родину. Проживем здесь несколько дней, может быть, и неделю. Надо продезинфицировать помещения, а некоторые сжечь. Потом, вероятно, поедим в Маньчжурию (около 50 верст отсюда). Китайцев там мрет много (20-25 человек в день). Среди русских умерли пока один фельдшер и два санитаря. Жить здесь удивительно скучно. Морозы 15 град., но при этом сильнейший ветер, который пробирает до костей. Очень пригодились теплые калоши и папаха, купленные мною в Иркутске (стоит 10 руб.). Обедаем сегодня у хозяина бакалейной лавки, у которого обедает вся местная знать (начальник станции, контроллер и т.под.). Обед 50 коп. и недурен относительно, имел в виду, что я с Иркутска еще не обедал.

Вчера ночью жгли костры близ землянок, где жили китайцы, сегодня предстоит такое же удовольствие. Иркутские припасы еще есть, очень дешева там рыба. Купил «балыка», но он на наш балык не похож, не белый, а красный, и скорее напоминает семгу. Стоит 30 копеек фунт и очень вкусный. В Чите нам пришлось долго ждать поезда, купил я вам открыток и со Свистуновым даже посмотрели 2 синемаатографа. Видели, между прочим, Марфу-посадницу и борьбу двух котов между собой.

В помещении своем устроились сносно, не считая того, что в открытом поле и на сотни верст около нет никакого жилья. Живет с нами еще полицейский пристав из Читы. Сейчас они со Свистуновым поехали хоронить труп найденного верстах в 4-х китайца.

Твоих, Женечка, писем давно уже не получал. Последнее твое письмо было от 19 октября. После того я много писал, и телеграмму из Иркутска, и деньги посылал, а от тебя никаких известий. Просил Губарева всю корреспонденцию высылать сюда, да пока ничего не получил. Большое удобство, что здесь есть почтово – телеграфное отделение. Письма адресуй сюда. Крепко я грущу по тебе, дорогая моя любя! Много мне нынче предстоит перенести испытаний, лишений и неудобств. Со всем мирюсь, если Бог приведет опять расцеловать, прижать крепко-крепко к своей груди родную свою любя, милую Женечку! Много бы я мог тебе порассказать, дорогая моя любя, грустного, много и интересного и смешного. Увидимся, Бог даст, о всем потолкуем.

Свистун – парень ничего себе. История его такова. Студентом 3-го курса на лето был командирован в Иркутский госпиталь. Здесь познакомился с одной девицей со средствами и женился на ней. 7 лет женат, а на службе, по его словам, 3 года. Сидел, кажется, долго в Академии. Детей нет. Жена в Варшаве у матери. Отец его был ссыльный. Парень он веселый и, по-видимому, работающий – на счет сна и аппетита, а также и общей комплекции. Он-то и приезжал в сентябре в Москву с душевно-больным и видел Щепотьева. Между прочим, он в госпитале секретарничал.

Ну, до свидания, дорогая моя Женечка, дорогие детки! Помолитесь за меня, чтобы Бог дал мне силы и здоровья для выполнения всего мне предназначенного. Не грустите, придет время, когда вновь засветит солнышко, когда придет весна, заживем мы все вместе по-хорошему, в любви, да в добром согласии.

Ваш муж и отец П. Любомудров.

Вдали от дома и семьи, на границе с Китаем, на ст. Даурия П.В. Любомудров провел больше двух лет. По возвращению в Москву был произведен императором Николаем II в звание генерала, присвоен ранг статского советника.

Статский советник. П.В. Любомудров.

Архивные источники сообщают, что в дальнейшем, в период с 1914 г. по 1917 г. Любомудров Павел Васильевич, статский советник, врач, проживал по адресу Большая Ордынка, 34 (очевидно, при Марфо-Мариинской обители милосердия). Работал в бесплатной Лечебнице военных врачей для бедных всякого звания и являлся секретарем Общества Военных Врачей; также служил в Московском Военном госпитале.¹⁸

На этом, в 1917 году, заканчиваются официальные документальные сведения о жизни Павла Любомудрова. И особую ценность приобретают живые воспоминания современников, а также письма...

¹⁸ Алфавитный указатель адресов жителей г. Москвы и ее пригородов. 1917 г. Стр. 306

Два года назад, в октябре 2013-го года, я получила письмо из Америки – автор, женщина, – представилась Надеждой Любомудровой, правнучкой Павла Васильевича Любомудрова по линии его старшего сына Константина. У нас завязалась переписка, которая растянулась на полтора года, она и легла в основу этого очерка.

Надежду Павловну волновала судьба деда, Константина Павловича, он был военным врачом и пропал без вести в 1919 году, последнее письмо от него было прислано из Киева. Это было не первое обращение Надежды к нашей семье, и к тому времени, когда некоторые фотографии из семейного альбома попали в публичное интернет-пространство, у неё уже была своя версия событий столетней давности.

В 1984 году Надежда писала сестре бабушки, Анне Васильевне Селезнёвой. Письменный ответ она сохранила в какой-то книге и переслала нам спустя почти 30 лет. К этому времени и бабушка, и её сестра Нюся – обе уже скончались.

22 апреля 1984г.

Здравствуй, Надежда Павловна, новоявленная моя, дорогая родственница по деду Таше, (Павле Васильевиче Любомудрове.) Так бы я Вас обняла и прижала к себе, родная наша кровиночка.

Как нелепо бывает в жизни! живут близкие люди и не знают о существовании друг друга.

Очень жалько, что я не поговорила с Павлом Константиновичем о дяде Таше, его Женюхе, Косте и Андрюше. Как получилось, что перемалась ниоткуда родственной связи?

Очень любил дядя Таша своего единственного внука, а жить вместе не довелось.

Пришлось дяде Таше уезжать от Женюхи на борьбу с тубой, где смерть ходила рядом. А вскоре умерла Женюха, оставив двух детей. Вскоре же умер Костя. Как пережить всё это? Когда женился Андрюша, дядя Таша стал

жить один, он не хотел никого ни в чём стеснять. Но были и радостные дни, когда Андрей Павлович с женой приезжал к нам летом в гости, то ездили за мамкой, ежедневно ходили втроём купаться. Мама варила варенье. А дядя Таша был хорошим специалистом, вылезли тогда много больных от серьезных болезней.

В последний раз я выдалась с дядей Ташей в Москве, за 9 дней до войны. Он что-то писал, а я подошла сюда, обняла его и заплакала, было жалько его, что всю жизнь он прожил одиноким. А в 1945 году он умер, умер в одиночестве.

Надежда Павловна, напишите – с каких фотографий снять Вам копии? Посылаю паспорт дяди Ташки. Ташку и мамку о его пензенской даче. Очень он беспокоился о Павле Константиновиче, о единственном своём внуке.

С уважением к Вам: Анна Васильевна.

К письму прилагались копия паспорта П.В. Любомудрова, копия документов, подтверждающих родство, и много, много семейных фотографий – начала XX века и более поздних. От Надежды мы узнали, что старший сын Павла Васильевича, Константин, встретил свою жену Ольгу в Петербурге, где проживала ее семья, хотя были они выходцами с Украины. Отец Ольги, Николай Семенович Рудевич, был полковником, награжденным Золотым оружием за героизм в Русско-турецкой войне, за Шипку, кажется. Единственный брат, инженер, был репрессирован в Киеве в 1930-х годах; дальнейшая судьба его также неизвестна. Но это было уже далеко от основной ветви Любомудровых.

«У меня много вопросов, но я не хочу ошарашивать ими сразу, – писала Надежда Павловна. – Меня беспрдельно интересует судьба Константина Павловича. Незнательность - для всех нас незаживающая рана.

Возможно, Вам неизвестно, что есть еще одна большая тайна. Несколько лет назад я узнала, что канонизирован мученик Константин Павлович Любомудров, священник церкви Всех Скорбящих Радости иконы в г. Москве, расстрелянный в 1937 г. в Бутово (полигон под Москвой). Мои искания привели к двойным результатам - в Москве по адресу церкви проживал Павел Васильевич Любомудров, врач. Как говорят материалы следствия, священник сказал, что жил на средства дочери, помогавшей ему. На тюремном фото о. Константин выглядит совершенно как мой отец в свои старшие годы, когда он усох (умер всего лишь в 67,5 лет).

Я также понимаю, что наш дед оставил жену, Ольгу Николаевну, с маленьким сыном в 1919 г. Есть его последнее письмо из Киева (нужно найти). Отец говорил, что он был военным врачом и пропал без вести. Здесь - всё, стоп, больше ничего он нам не говорил. Мое прошлое обращение в епархию было неправильно сформулировано (из-за эмоций): не надо было говорить, по какой причине я запрашиваю сведения об о. Константине. Если он - то же лицо, что и мой дед, то означает, что он завел вторую семью при венчанной с ним жене. Это им не понравится. Мне же это не судить. Неясность может разрешить точная дата и место рождения Константина Павловича. Можете ли вы найти что-то, хотя бы место рождения?

Я просто хочу знать правду - мой отец всю жизнь страдал от этой потери. Я никого не виню: все заплатили кровью за все, чем жили, и переплатили страшно. Пока останюсь, а то опять начинаю волноваться. Пересылаю Вам письмо Анны Васильевны (отдельной единицей), а фото пошлю позже, к ним нужны пояснения».

По официальной биографии, священномученик Константин Павлович Любомудров родился в селе Георгиевском Ростовского уезда Ярославской губернии в 1879 году. В 1919 году отец Константин окончил Московскую Духовную академию и был назначен сначала в клир, а затем настоятелем церкви в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость», что на улице Большая Ордынка в Москве. Служил, по словам одного его родственника, и в соседнем храме сщмч. Климента Римского на Пятницкой улице. За призыв к прихожанам молиться за угоняемых в Сибирь христиан отец Константин был арестован в 1932 году, когда в Москве, в рамках борьбы с Русской Православной Церковью, с целью ее уничтожения, по одному делу было арестовано более пятидесяти священнослужителей и мирян. 10 мая 1932 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило отца Константина к пяти годам ссылки в Казахстан, и он был отправлен этапом в город Алма-Ату. Вернувшись в 1935 году в Москву, отец Константин попытался устроиться здесь, но ему, как бывшему в заключении, власти этого не позволили, и он был вынужден уехать в Можайск, откуда часто приезжал в Москву для окормления многочисленных духовных детей, совершая по их просьбе требы в домах.

29 октября 1937 года отец Константин был вновь арестован и заключен в московскую Таганскую тюрьму; показания о нем на следствии дали священник и диакон-обновленец, которые, по-видимому, еще и ранее доносили о нем. 17 ноября 1937 года Суд-тройка НКВД приговорил священника к расстрелу. Священник Константин Любомудров был расстрелян 19 ноября 1937 года и погребен в общей безвестной могиле на Бутовском полигоне под Москвой. 27 декабря 2005 года состоялось заседание Комиссии Священного Синода Русской Православной Церкви по канонизации святых, на котором, по рассмотрении материалов, касающихся прославления новомучеников и исповедников Российских, пострадавших в различных епархиях Русской Православной Церкви,

было постановлено включить в Собор новомучеников и исповедников Российских XX века, в числе других подвижников, имя Константина Павловича Любомудрова.

Есть большие сомнения в том, что этот человек был пропавшим старшим сыном Павла Васильевича, Любомудровы – одна из самых распространенных искусственных фамилий среди духовенства, есть и полные тёзки. Хотя не исключено дальней родство, ведь какое-то время Павел Васильевич проживал на Большой Ордынке при церкви, по-соседству со священником, которого расстреляли, а позже возвели в святые.

К. Любомудров с женой Ольгой Рудевич. Ок. 1915 года.

Братья Костя и Андрей Любомудровы с женами.

В 20-х годах XX столетия овдовевший, потерявший сына, Павел Васильевич служил несколько лет сельским врачом в Верхотурье, по печальной необходимости. Он оставил столицу, чтобы досмотреть беспомощную мать, сама она не хотела к нему ехать. У него была квартира при больнице, за мамой Анфисой Павловной ухаживала домработница. В тот период он много помогал многодетной семье сестры Аннушки. Бабушка, младшая в этой семье, вспоминала, как ходили из Нижней Туры за десятки километров пешком в лечебницу к дяде Паше, и он угощал ребятшек кашей на молоке из печки, с вкусной румяной пенкой. Но, как это ни неприятно признавать, в семье был доносчик, сотрудничавший с ГПУ. Он увидел на Павле Васильевиче брюки с широкими генеральскими лампасами и сообщил в органы. Павла Любомудрова вызывали на допрос, но отпустили, только предупредили, чтобы он своё генеральское звание не афишировал. Не стану называть имя доносчика, это было не первое и не последнее его предательство, и он уже расплатился за всё трагедией своей жизни. Сейчас его давно нет среди живых, но остались дети и внуки. Позднее, похоронив мать, Павел Васильевич вернулся в Москву.

«Если бы мы узнали, что случилось с Константином, многое бы прояснилось, - писала его внучка Надежда в 2013 году. – Кто действительно знал много, так это Андрей Павлович, младший брат. Но отец мой был с ним в ссоре и так и не примирился до самой смерти Андрея в 1972 г.

Я была во Львове вскоре после его кончины, хотела поступить в университет на отделение польского и чешского языков, но не добрала полбалла. Вторая жена Андрея, Тамара Степановна, как-то услышала обо мне и пригласила к себе. Богатство их на вилле с садом было огромное, особенно по советским меркам. У них был пожилой слуга, который подавал и все делал. Наверное, и готовил кто-то еще, судя по качеству и обилию пищи. Но потом она меня прогнала от себя, подозревая, по-видимому, в том, что наша семья позарится на имущество. Это стало унижением для меня. Ни на что мы бы не позарились - не таков был мой отец. Она копалась в моем чемодане не скрываясь, и потом поставила мне в вину найденную раннюю открытку от моей матери, в которой та предлагала мне познакомиться с Тамарой Степановной, но я тогда всё тянула и ничего не предпринимала, да и экзамены были трудные...

Я была очень стеснительной, мне и 17 лет не было... А тут как-то меня позвали в общежитии, в вестибюле стояла эта полная, яркая лицом женщина и представилась: «Я тоже Любомудрова», - и пригласила к себе. Она производила впечатление очень властной и вздорной особы, была намного младше Андрея Павловича, и у нее был сын от кого-то еще. Мой отец какие-то контакты с Тамарой Степановной

сохранял в течение нескольких лет, но нам почти ничего не говорил. Он ничего у нее не брал - это точно, ни одной бумаги, ни одного фото. Молчание советской эпохи! Все тайное, и никак не раскрыть! Именно Тамара Степановна дала мне адрес Вашей родственницы, Анны Васильевны Котовой, а больше ничего не сказала. Вряд ли она жива сейчас.

Кстати, я знаю от отца, что Андрей Павлович в какой-то момент, сразу после войны, воспользовался печальным состоянием жены Константина и вывез семейное имущество - ведь ленинградская квартира стояла, но Ольга Николаевна и отец были в эвакуации. Отец что-то очень серьезное не простил ему, он и Андрей Павлович не общались десятилетиями, что очень печально.

Моя мать виделась с Андреем Павловичем незадолго до его смерти, но он, по-видимому, ничего ей так и не сказал - она не из тех была, кто долго хранил бы тайну.

Мой отец, внук Павла Васильевича, после ранения 1942 г., был эвакуирован с госпиталем в г. Барнаул, и мать его за ним последовала. Ему чудом спасли ногу, а ведь хотели ампутировать. Он всю жизнь хромотал и ходил с палочкой. Потом отец жил в Загорске под Москвой, работал учителем рисования в школе и часто виделся с Павлом Васильевичем до его смерти в 1945 г. Они друг друга очень любили. Отец очень часто и тепло вспоминал его как человека. Но это не все! Павел Васильевич, скромный деревенский врач в то время, дал ему чулок, набитый царскими золотыми монетами, что позволило отцу выжить в послевоенные годы и выучиться в Суриковском институте. Ольга Николаевна была очень набожной и образованной женщиной, дедушка Павел к ней хорошо относился. Наверное, она была на его похоронах, так как в Ленинград не вернулась, остаток жизни провела в Москве».

Дорогой мой дедушка!
Никто не знает не знает, вот уже
три месяца - здоров ли ты, как раньше
у тебя был - пишу тебе каждою по
адресу: Толстая улица 868 Школа
Братов. Я знаю, где. Нашим маме
сейчас не. Она маме не имеет известия
с 20го числа октября. Сейчас маме не
везет много коров. Я слышу тоже
рабочий в школе одной из братов.
Народ организующий маме подобрал
На редкость смышленый и бодрый,
и к доброй работе привык. Иногда
приходится конечно много бывать занятый,
но эта работа маме нравится и
по природе того, что она близка до
некоторой степени маме организующий
процесс. Одея и т.д., сын.
Ты ведь конечно знаешь дедушка, что
моя мама - сестренка маме: Красная
Армия против врага - это придет

у меня концы встаны - победный концы.
Только надо быть здоровым и
Физику и Моралью, не чадая
духом, терпеливо держатся и служат
общему, маме, делу - истинно и
универсальным врачам, Т.П., а дедушка,
работает дедушка маме в каком
ничего не знает. Как у тебя с
матерью, с отцом - маме
маме. Я знаю дедушка о тебе, я
мне маме, выработал для этого
время дедушка маме было несколько
но. Буть здоров дедушка
дедушка маме маме маме
мамме. Наша мамма мамма
25.12.41 Т.П. Любудров
Нашим маме - я ей маме
много раз но до сих пор
ничего ---

Письмо с фронта Павлу Васильевичу Любому от внука Павла. 25 декабря 1941 год.

Второй сын Павла Васильевича, Андрей, в 1919 году окончил медицинский факультет Ленинградской военно-медицинской академии и работал преподавателем кафедры анатомии этой же академии до 1931 года.

Андрей Павлович Любомудров, ок. 1919 года.

Потом заведовал кафедрой анатомии Ивановского медицинского института с 1931 по 1946 год. С 46-го по 71-й - профессор кафедры нормальной анатомии, заведующий кафедрой гистологии, проректор по научной работе Львовского медицинского института.

В 1961 году скончалась первая жена Андрея Павловича – Мария, Мэри – она была сердечницей, с весом более 100 кг. И сразу же наши старшие женщины (бабушки, матери) получили из Львова несколько посылок с её платьями 68 размера и письмо от Тамары Степановны, где она сообщала, что была аспиранткой у Андрея Павловича, и что теперь она его законная жена. «Бедные родственники» выразили соболезнование, а из платьев нашили обновок, поскольку росло целое поколение безотцовщины, да и в магазинах ничего не было. Через 10 лет, когда умер Андрей, получили ещё одну посылку со старыми семейными альбомами, наградными царскими бумагами и паспортом Павла Васильевича Любомудрова. Были благодарны, что Тамара Степановна вспомнила адрес и не выбросила фотографии на свалку, ведь для неё это не было материальной ценностью. Почему не отдала всё это племяннику - Павлу Константиновичу, а переслала дальней сибирской родне? Вопрос... Какую вину перед братом скрывал Андрей до самой смерти?

Часть этих альбомов и архивов потом были утеряны трагическим образом. В начале 2000-х пропал без вести мой троюродный брат Михаил, внук Анны Васильевны Котовой, с которой переписывалась когда-то Надежда Павловна. Миша пропал вместе с документами Павла Васильевича Любомудрова, среди них была его автобиография, трудовая книжка, гербовые бумаги о защите диссертаций, записка о смерти, и что было у него на день смерти. Незадолго до своего исчезновения Миша говорил, что собирается в Москву, якобы нужно что-то уточнить...

Павел Васильевич Любомудров работал до последнего дня. В годы Отечественной войны врачом в амбулатории на станции Щербинка Московско-Курской железной дороги, помогал всячески сестрам, племянникам и единственному внуку Павлу. К концу войны вернулся на службу в московский госпиталь при бывшей Марфо-Мариинской обители. 30 апреля 1945 года в больнице был субботник перед праздником 1 Мая, он был на субботнике вместе со всеми госпитальными. А 1 мая 1945 г. его не стало, остановка сердца.

П.В. Любомудров. 1945 год.

Приехать на похороны Павла Васильевича не смогла ни одна из его 3-х племянниц: у Анны Васильевны Котовой после гибели мужа на фронте, под Будапештом, была страшная депрессия; моя бабушка, Софья Васильевна Селезнёва, от неё не отходила. А старшая их сестра, Зинаида Васильевна Шкляева жила в Сибири, в 1938 году расстреляли её мужа, священника в прошлом, хотя он к моменту ареста снял с себя сан и работал учителем пения, на её руках тоже оставалось трое детей.

Когда думаешь обо всех этих людях, вспоминаешь отчего-то не их заслуги и достижения, а представляешь их быт, их лишения - в ссылке, в тюрьме или в послевоенные годы, постоянный страх перед арестом, и голод, и холод... Их не просто убивали, их убирали с фотографий, газет, записей, будто никогда не было. Уничтожалось всё, что они видели, знали, что представляли собой. И даже после смерти эти люди оставляют больше вопросов, ведь у них уже было всё, чего с нами, может, никогда не случится. Они уже нас пережили.